

ПРАВДА ТЕАТРА

ПЯТЬДЕСЯТ лет со дня рождения. Двадцать лет творческой деятельности. Десять лет работы в качестве главного художника Новосибирского «Красного факела». Множество поводов для юбилейных комплиментов, заслуженных похвал, торжественных обсуждений и показанная в Доме актера выставка — работа в лучшем значении слова. Эскизы, отмеченные глубоким пониманием культуры театральной живописи, полотно преимущественно большого, внушительного формата. А впечатление не юбилейного отчета, но искреннего, честного рассказа мастера о своих исканиях и радостях, печалях и мечтах — о том, что есть для него театр.

Для Василия Шапорина театр яркое, многоликое и неизменно реалистичное. Он поклоняется не внешнему, поверхностному правдоподобию, но высокой и тонкой правде образа. Тут признаки преемственности искусства Шапорина, связи с замечательными традициями советской декорационной школы. Тут приметы преданности учителю — крупнейшему мыслителю среди театральных художников Владимиру Дмитриеву. Но это не рабское следование дмитриевским заветам, не повторение былого, а прорыв в новое, утверждение своего, индивидуального, «шапоринского». Чрезвычайно самобытная творческая физиономия художника складывается из множества черт — крупных и трудно уловимых, нервных и спокойных, бесспорных и полемических.

Знатоком быта выглядит он в эскизах к «Обломову», «Селу Степанчикову», «Игрокам», «Ломоносову». Красноречие неодушевленных предметов, несущих на себе печать характеров, привычек, душевного склада героев. И вдруг — смелое чувство монументального, откровенно сценичного в «Третьей патетической», где действие будто вынесено на просторы всего земного шара, увенчанного заводскими трубами.

Он может быть трагедийно прост в таких работах, как «Живой труп» с «цыганским» пылающим красок в тем-

ных, глухих гаммах интерьерных декораций. А может быть радостно, наивно затейливо, как в своей дипломной работе, некогда осуществленной Центральным детским театром, — на смешливых и забавных эскизах к спектаклю «Кошкин дом». Сказка редко возникает на пути Шапорина, но стоит ему взяться за представление для детей, как он оказывается умным, увлеченным собеседником своих зрителей. Талант перевоплощения — свойство, необходимое подлинно театральному художнику, порождает широту его профессионального диапазона.

Занимая почетное и боевое место в общем строю спектакля, декорации Шапорина всегда воспринимаются как очень личный, глубоко продуманный, подчас выстраданный художником комментарий к драматургии. Отсюда — ироническая, весьма злая интонация, «звучащая» в броской, цветистой живописи эскизов к «Госпоже министерше». Отсюда — ноты гневного, гражданского протеста в «Нашествии», интерпретированном Шапориным как повесть о тяжчайших испытаниях военных лет, — о русских пейзажах, изуродованных пожарами, виселицами, тюрьмами. Отсюда — пошатнувшийся мир, в котором существуют, мыслят, скорбят герои «Преступления и наказания».

Удивительно яркий в своей выразительности цикл знакомит нас с новейшими опытами Шапорина. Сегодняшнее, ни у кого не позимствовавшее прочтение Достоевского, сложность самых дерзких ракурсов — накренившихся стен петербургских домов, желтых, испещренных черными окнами, вот-вот готовых рухнуть лестничных клеток, «задавленность» человеческого жилья враждебной громадой города — все выдает в художнике не почившего на лаврах юбилея, а мастера, который верит в могущество эксперимента, в правду театра. Верит и ждет режиссера, который даст сценическую жизнь самым смелым изобразительным мечтаниям.

Е. ЛУЦКАЯ.

3 ФЕВ 1966

СОЮЗМУЗ
КУЛЬТУРА
г. Москва